

«М7»

(фрагмент)

by Maria Sveshnikova / Мария Свешникова

1985-1991

В том тоталитарно-наивном мире правила партия, цензура и джинсы Levi's. Еще не играл Ласковый май. И постоянно рождались дети, а сам демографический бум начала восьмидесятых походил на марш молодых матерей под Ricchi e Poveri. Тогда Екатерины еще не называли себя «Кейт» и «Кати», а имя Емельян звучало гордо, да и сама жизнь еще не укладывалась в пластмассовую коробочку с экраном и встроенным модемом.

Катя Григорьева родилась в хорошей добропорядочной семье с корнями, историями, дедом-академиком по отцовской линии. Сейчас ее даже по паспорту зовут Кати Григ, а о семье и происхождении она никому не рассказывает. Говорит, что одна у мамы. И мама у нее одна. Как они вдвоем смогли за четверть века растерять эту семью? Ведь все так хорошо начиналось. Красный флаг с серпом и халявные поездки в санаторий «Морская жемчужина» в Юрмале, сосны, окаймленные янтарем, журнал «Иностранная литература» и маленький ребенок. Мать Кати была счастлива. Они с мужем мечтали променять свою комнату в коммуналке на Таганке, где ютились с родителями матери Кати, на полученную от государства небольшую квартиру в Балашихе или Люберцах. Отдать ребенка в только построенный из бело-голубых панельных блоков детский сад – такой же, как сотни и сотни тысяч соседних. Все же в этом мире ровны и довольны. Потом в школу – панельную пятиэтажку, как и во всех дворах. И дать все то важное и обязательное, о чем печатали в газетах. Мечты всех родителей СССР были одинаковы – скопить денег, нанять репетиторов, подготовить ребенка к поступлению в МГУ (тут

родителям Кати можно было не беспокоиться), обязательно на естественнонаучный факультет, тем самым дав возможность интегрироваться в любое общество.

И все шло по накатанной. Квартиру дали. В детский сад устроили. Только вот перестройка грянула, и смела все мечты одним ударом шара для боулинга и сигаретами Marlboro – пришли бренды, тренды и террор. Отец Кати, профессор института органической химии, уехал тогда на заработки за бугор. Еще в конце 1990г. пару раз прислал денег в иностранной валюте и пропал.

Кати с матерью, на тот момент домохозяйкой, остались одни. Есть было нечего. Неделями в холодильнике консервы, каждый день на обед вареники с картошкой. Иногда со сметаной, а иногда просто с луком, жареным в масле. Вскоре мать Кати взяли учителем физики в частную школу. Они продали квартиру в Балашихе и выкупили комнату в коммунальной квартире, где жила бабушка Кати по материнской линии, мужа которой вот уже полгода назад забрали в Кащенко с прогрессирующей болезнью Альцгеймера. И теперь они втроем жили в двухкомнатной квартире. Поменялись они с доплатой в свою пользу – ее хватило на то, чтобы купить стиральную машину, поставить пластиковые окна в одной из комнат, выходящей взглядом на Котельническую набережную, и купить обои. Клеили сами. Плакали все трое втихаря. Каждая по своим причинам. Мать Кати из страха, что не справится и не сумеет одна вырастить дочь, бабушка по былому коммунизму и чувству защищенности, Кати по конфетам, куклам и потому что слышала, как плакали все вокруг за закрытыми дверями. И ждала лета, когда можно было спрятаться в дачном доме в поселке Никольское на М7. Забраться по хромым и дряхлым перекладинам на крышу сарая в дальнем углу участка,

и, греясь на теплом от дневного марева рубероиде, предаваться наивным мечтам о чуде материального характера. Так, наверное, зарождался цинизм, но именно так она становилась романтиком – странный и дикий парадокс.

Когда нужно было устраивать Кати в школу, мать решила, наплевав на гордость и позвонила свекру-академику, тот сказал, что Кати он внучкой не считает, рассказывал, сколько воды утекло, и пожелал удачи. И тогда Кати пришлось самой поступать в английскую спецшколу. Без взяток и протекции. По уму. И ее взяли. Прописана была в соседнем доме, собеседование прошла, по-английски изъяснялась – причин для отказов найти не удалось. С этого и началось ее сумбурное и несуразное отрочество. Слезы, отчаяние, обида... Как вдруг ей стукнуло восемнадцать...

2003

Пыльный ветер гасил спички и костры. Планировал нагрянуть дождь, а пока начинался танец первых листьев в обнимку с пылью – верной подругой сентября. Едкая грязь с дороги то и дело норовила попасть в глаза, и девушки шли спиной вперед прямо по обочине, балансируя, чтобы от порыва ветра не угодить в кювет с пустыми пивными бутылками, огрызками, ошметками, подошвами и сухими ветками – грязную канаву с тем шлаком, который девяностые принесли на смену картонным коробкам, оберточной бумаге и лилиям на развес, когда мусор вдруг стал разноцветным.

- Еще пару объяв расклеим, и домой, потерпите! – кричала Кати, подняв водолазку поверх носа, и ладонью прикрывая глаза.
- Ты посмотри, как небо затянуло. Сейчас каааак лиииииванет. – Аня пыталась приклеить уже смятое осенними порывами объявление к столбу против властного ветра.

На одной из тех дорог, что венами отходят от М7 часто бывало мрачно и безлюдно, и это мрачное безлюдство, да что скрывать, вся восточная трасса «Москва-Нижний Новгород» со всеми ее отростками до сих пор течет по венам этих трех девушек, а в особенности Кати. Всю свою жизнь она мечтала выбраться с М7. Как Левитан. Он тоже провел свои самые сложные годы по соседству. Его видели, сидящим босым на платформе «Никольское», голодного, жалкого, жадно глазающего, как девушки и молодые люди в накрахмаленных юбках полусолнцем и лаковых ботинках шли к двухэтажному деревянному зданию с надписью «Клуб». Он разглядывал их и мечтал быть не беднее их, и тем не хуже. За горькими мечтами Левитан забывал съесть свой кусок хлеба и нелепо натягивал тонкими пальцами лохмотья рубахи, чтобы прикрыть тощие запястья. Потом он ушел на запад. В Москву. Спустя почти век в этих местах были те же мысли – да жизнь, при всем апофеозе внешних изменений, стоит все равно на трех китах, и все хотят одного и того же – достатка, счастья и временами любви.

Девушки шли навстречу ветру, облизывали пальцы, измазанные клеем, и резали листы на два ровных одинаковых объявления: «Продам Чайку. В хорошем состоянии», внизу номер телефона. Кати.

Дачный сезон заканчивался. Оставалось на выгул несколько дней сомнительного лета, ночами изо рта уже струился пар и сигаретный дым, нещадно мерзли кисти рук, дачники жгли последние костры уходящего лета и по соседству накануне ночью, изрядно перебрав, кто-то горланил «группу крови на рукаве».

Продать старую дедушкину чайку требовалось до наступления сентября. Пока Кати не уехала обратно в город, еще не развезло дачные дороги, и пока кто-то еще заезжает в Никольское. В пяти километрах от кольцевой дороги, в старом дачном поселке вот уже

несколько веков подряд обитали члены семьи Кати. Этим июлем их осталось всего двое. Она да мать. Бабушка по материнской линии после смерти супруга уехала в родной Нижний Новгород коротать старость, тем самым освободив полноценную комнату для Кати в небольшой квартире в Москве.

А мама Кати все также продолжала работать учителем физики.

Кати училась на втором курсе института, название которого походило на все остальные названия таких же шарашкиных контор, где якобы обучали финансам, экономике и бух. учету, за деньги. Денег у Кати не было. Особенно своих. Мать что-то давала – когда получалось найти ученика для частных занятий, но так было не всегда – физика давно уже вышла из моды.

Нет, на метро и салат из перемороженных крабовых палочек в столовой всегда находилось сто бумажных, а вот на нечто большее приходилось копить. Не есть, когда все вокруг аппетитно чавкают, идти пешком, вместо того, чтобы доехать на маршрутке, не покупать конфет и красочных журналов на развалах у метро, а вместо этого читать Ремарка по второму кругу, уворачиваться от вкусных запахов в магазине, а лучше и вовсе обходить их стороной. И все это, весь этот ад, после английской спец.школы.

Когда дедушка Кати по материнской линии умер, в гараже осталась старая чайка. Никому не нужная. На ней и дедуля-то проехал от силы километров сто. Но продавать отказывался. После того, как слег с болезнью Альцгеймера, бабушка попросила его коллег по цеху из НИИ отвезти на старую дачу, чтобы не украли. Хотя кому она была нужна уже в те времена?!? Внешне чайка неплохо сохранилась, где-то проржавела, ездила с трудом, но все же передвигалась в пространстве и времени, если подтолкнуть, поднажать и попотеть. Кати знала, что есть странные люди, которые коллекционируют подобные машины, или киношники,

которым вечно нужен причудливый реквизит. Сначала она думала повесить объявление в интернете, но стояло лето и школа, где работала ее мать, была закрыта на ремонт. Белили стены, сливали деньги в никуда.

Девушки были вынуждены зайти в интернет-кафе в реутовской части Никольского – подобные заведения уже открывались даже в небольшом «городке» (несколько домов, построенных в семидесятые годы для военных, местные жители называли «городком»). За пятнадцать рублей им удалось напечатать тридцать объявлений – по два на странице.

Компьютера у Кати не было. Тем более на даче. Если нужно было написать реферат или спросить что-то у Яндексa, она приезжала к маме на работу, после обеда, когда ученики уже расходились по домам и подворотням. Мать давала ей ключи от класса информатики. И она садилась за учительский стол. Вводила пароль. И под жужжание ламп и вентиляторов системного блока колесила по просторам интернета. О чем-то мечтала. Но чаще просто искала объявления о работе. Куда бы ее, восемнадцатилетнюю студентку, взяли. С неполным и неясным графиком. Предлагали лишь идти официанткой и иногда курьером. Можно было бы и секретарем попытаться, но с ее скоростью печати это было за гранью добра и зла. Даже для самых самонадеянных мечтаний. И тогда Кати поняла, что работы ей не найти, она решила сама создать себе рабочее место – без интима и подносов.

В начале июня все в том же Никольском Кати познакомилась с двумя девушками, которые учились на последних курсах Академии Физической культуры. И снимали комнату в пятиэтажной кирпичной развалюхе возле дивизии Дзержинского. На большее денег не хватало. Ночами они подрабатывали в казино на подтанцовках. И давно мечтали начать преподавать. Но, ясное дело, их, молодых и зеленых, никуда не брали.

А еще позже, разгуливая по поселку, Кати и ее новые подруги добрались практически до М7. За бутылкой пива и девичьими мечтами время летело незаметно и километры проходились за одно воспоминание о школьной далекой любви. Их самым любимым выражением в те времена стало «Парни не плачут» - они действительно, как бы кто их не обидел, не позволяли друг другу плакать, мотивируя это банальными словами: «А смысл? Что изменится-то от слез?» и в шутку называли себя «стальными телками». Когда шум дорог уже колотил мембрану, они остановились и думали развернуться, но нечто, напоминающее не то лень, не то судьбу, их остановило, и они присели на ступеньки здания старого спортивного комплекса «Нептун». Он располагался рядом с детским санаторием «Колокольчик», и восьмидесятые вмещал в себя до пятиста молодых и борзых орущих голов. Потом наступила эра приватизации, на месте санатория построился коттеджный поселок, который назывался также – «Колокольчик». Глупо, правда? Спортивный же комплекс, находившийся в заброшенном состоянии, теперь принадлежал автосервису по соседству. Сервисом заведовал Ахмед. Он родился в Турции, но всю жизнь прожил с родителями под Баку. И в конце восьмидесятых переехал в Москву, но правильнее сказать, в Балашиху, которая находилась за первым крупным перекрестком М7 после МКАДа. Собственно говоря, согласно административным показателям та часть, что отходила налево от Вешняковского шоссе (где, собственно говоря, проживала каждое лето Кати) относилась к Балашихинскому району, а правая, уходящая к железной дороге, к г.Реутов.

«Нептун», который, если честно, вообще непонятно, к чему относился, существовал в странном запустении – в той части, где располагался когда-то теннисный корт, хранились старые машины, в бассейне складировались запчасти, а в душевых все покрылось плесенью и

использовалось в промышленных целях. Там же стояли фильтры, и порой люди Ахмеда грешили тем, что делали самопальную воду без газа. Заказывали этикетки и бутылки у «братьев» в Косино, а потом сдавали в местные магазины. С тех пор, Кати напрочь перестала пить минеральную воду «природного происхождения».

Спустя пару дней девушки познакомились с Ахмедом, нагло ворвавшись в автосервис, и предложили ему отдать часть помещения под спорт-клуб. Бассейн и корт оставались за Ахмедом, а пара залов отходила им в аренду, за что они обязались сделать косметический ремонт холла. И отмыть старые раздевалки. Что делать с душевой, было неясно. Но первое время можно было и без душа. В Николольском все привыкли к уличным душам, тазикам и ковшикам. Основными клиентами, они думали, станут девушки из военного «городка», с которых собирались брать по сто рублей за занятие. Два раза в неделю. А там будет видно.

Ахмед сказал, что будет брать с них пятьсот долларов в месяц. В те времена это были приличные деньги. Тем более за старое дряхлое помещение. Но игра стоила свеч. В первый месяц они планировали просто выйти в ноль, а дальше по-тихоньку набирать обороты и детские группы. Тем более, что для хорошей танцовщицы нет ничего сложного в преподавании всех классов – аэробики, шейпинга, в те времена только появляющихся пилатеса и йоги. А среди танцев можно было сделать и современные, и классические, и латину, и даже стриптиз. Но это уже индивидуально.

Оставалось найти деньги на первый месяц и косметический ремонт холла.

И Кати вспомнила про чайку.

Говорят, что чайка – это символ материнского плача по детям... Но в семье Кати все давно перестали плакать, и пытались во что бы то ни стало заработать денег. А

любовь уже потом... Если вдруг захочется, и будет время...

И потом это время пришло. И В. купил ту самую чайку. И понеслась душа Кати по закромам и закоулкам... М7... И она вопреки всей предыдущей своей жизни полюбила... Рано и невзначай.